

*Lesława Korenowska***Философия и литература:****сущность Я в прозе Эдварда Стахуры****Вместо введения**

Есть книги, чтение которых может стать сложным творческим, а точнее сотворческим процессом. При соприкосновении со словесным материалом литературных произведений наши мысли работают настолько интенсивно, что иногда мы удивляемся успешному нахождению названий тем процессам, которые происходят в нашем внутреннем мире, не говоря уже о более глубоком погружении-изучении-открытии себя сквозь призму ощущений, мнений, размышлений, рожденных художественным текстом. Автором, с которым я мысленно интенсивно сотрудничала при чтении его произведений, был польский прозаик, поэт и переводчик Эдвард Стахура (1937–1979).

Стахура вошел в литературу прошлого века своим оригинальным видением мира и ощущением себя в нем. Проза прозаика – это симбиоз совершенствования творческого стиля, познания глубин самого себя и непрерывного процесса открытия новых граней собственного Я. Хенрик Береза предложил термин «жизнеописание», которое характеризовало бы дуэт жизни и творчества автора сборника рассказов *Falując na wietrze*. Анджей Фалькевич и Гражина Борковска не согласны с таким подходом и утверждают, что «книжный» Стахура отличается от «реального»¹. Известные польские исследователи, среди которых следует назвать Мариана Буховского, Яна Пещаховича, Дариуша Пачоцкого и других, неоднократно отмечали, что прозаик «писал, как жил»², хотя такое определение не следует сводить к ошибочному выводу, что все

¹ См.: A. Falkiewicz, *Stachura I*, „Teksty: Teoria Literatury, Krytyka, Interpretacja” 1981, nr 1(55), s. 85–105; G. Borkowska, *Edward Stachura: Nie wszystko jest poezją*, [w:] *Sporne postacie polskiej literatury współczesnej. Następne pokolenie*, red. A. Brodzka, L. Burska, Instytut Badań Literackich, Warszawa 1995, s. 115–116.

² M. Buchowski, *Edward Stachura: biografia i legenda*, Magnes, Opole 1992; M. Buchowski, *Buty Ikara. Biografia Edwarda Stachury*, Iskry, Warszawa 2015; J. Pieszczachowicz, *Edward Stachura – łagodny buntownik*, Nowohuckie Centrum Kultury, Kraków 2005; D. Pachocki, *Stachura totalny*, Wydawnictwo KUL, Lublin 2007; W. Szyngwelski, *Kalendarium życia i twórczości Edwarda Stachury*, Rytm, Warszawa 2003; J. Beczek, *Teraz oto jestem. Edward Stachura we wspomnieniach*, Bellona, Warszawa 2020; B. Czochralska, *Ktoś spoza planety. Spotkania z Edwardem Stachurą*, Universitas, Kraków 2014.

написанное Стахурой автобиографично. Скорее всего писательская задача автора *Секерезады* заключалась в том, чтобы запечатлеть то, что ускользало от взора простых людей (*люди-есть*) или казалось незначительным, ничтожным. Недаром творческой целью Стахуры было описать все, с чем он соприкасался, чтобы удержать, увековечить, передать как завещание будущим потомкам³. Ева Пачоска считает, что Стахура «хотел быть писателем на грани. На грани в широком смысле этого слова: жизнь и литература, будни и праздники, ужас и восторг от человеческих историй»⁴. Друг поэта Кшиштоф Рутковски верно отмечает, что Стахура «принадлежал к тем писателям, которые пытаются выйти за пределы письма, стремятся быть собой, хотят показать, что есть нечто большее, чем литература»⁵. Можно добавить, что такие художники пера выходят за рамки не только принятых канонов литературы, но и за пределы самого слова, особенно слова написанного, отыскивая то, что скрыто вне слова.

Философский аспект

Без сомнения, многие философские термины и понятия нашли свое плодотворное применение, вторую жизнь в разных науках. Художественная литература не становится исключением: создавая тот или иной образ, наделяя его определенными характеристиками, писатели нередко варьируют на грани философии и литературы, что проявляет себя в многочисленных размышлениях, фантазиях, монологах, диалогах, дескрипциях, окрашенных философскими маркировками. Конечно же, творческое междисциплинарное сотрудничество охватывает другие, не менее важные, аспекты соприкосновения (психология, социолингвистика, переводоведение и т.д. + литература).

Для того, чтобы в полной мере раскрыть сущность Я в прозе Стахуры, обратимся к философскому термину *онтология*, который можно считать синонимом внутреннего содержания, глубиной, наполнением бытия, предмета и т.п. Для представления полной картины проследим трактовку онтологии в философской мысли прошлых столетий. В *Критике чистого разума* (1781) Иммануил Кант дает толкование онтологии, целью которой является анализ системы «всех понятий и оснований, относящихся к предметам вообще»⁶. Бытие, ядром которого является человеческое Я, философ разделяет на материальные явления и идеальные категории, которые могут быть объединены только синтезирующей силой Я. Таким образом, Кант задает параметры новой онтологии, стремясь дать априорное синтетическое знание о вещах вообще и заменить его «смирненным именем простой аналитики чистого разума»⁷. В *Науке логики* (1812–1816) Георгий Гегель констатирует, что принцип

³ D. Pachocki, *Stachura totalny...*, s. 37 (перевод цитат на польском языке, кроме примеров из прозы Стахуры, здесь и далее мой – Л.К.).

⁴ mb, *Edward Stachura – żył tak, jak pisał*, <https://www.polskieradio.pl/39/156/Artykul/1200801,Edward-Stachura-%e2%80%93-żył-tak-jak-pisał> [дата обращения: 18.08.2022].

⁵ Там же.

⁶ I. Kant, *Krytyka czystego rozumu*, tłum. P. Chmielowski, *Zapomoga Kasy Pomocy dla Osób Pracujących na Polu Naukowym im. Józefa Mianowskiego*, Warszawa 1904, s. 356.

⁷ Там же, с. 305.

тождества мышления и бытия является основой для построения онтологического понятия. Исходя из этого, Гегель формирует идею совпадения логики и онтологии и с этих позиций, создает систему онтологических категорий методом восхождения от абстрактного к конкретному, тем самым позволяя представить само бытие как процесс развития – имманентное развитие посредством противоречия, переход количественных изменений в качественные, постепенность и прерывность, отрицание отрицания. В феноменологии Эдмунда Гуссерля возродилось отношение к онтологии как эйдетической науке о предметах вообще. Философ разработал пути перехода от *чистого сознания* к структуре бытия путем анализа интенциональных структур сознания, к восприятию мира без субъективных эпистемологических воздействий. Гуссерль предлагает метод эйдетического описания как онтологическое восприятие бытия. В *Идеях чистой феноменологии* (1913) Гуссерль определяет мышление как один из актов опыта. Поэтому анализ предметного содержания, соотносимого с актами опыта, шире, чем просто анализ объектов мысли, и включает в себя такие смысловые акты, имеющие имманентное содержание, как восприятие, воспоминание, внимание, фантазирование и другие. Более расширенное толкование онтология получила в трактате Романа Ингардена *Спор о существовании мира* (1954–1965), в котором соединились феноменологический подход, гносеологический реализм и тщательный анализ традиции онтологического мышления, идущей от Аристотеля. Автор делит онтологию на формальную, материальную и экзистенциальную в соответствии с тремя аспектами, которые можно выделить из любого объекта (формальная структура, качественные характеристики и способ бытия). Ингарден предлагает следующие категории экзистенциальной онтологии, которые характеризуют модусы бытия: зависимое – независимое существование, существование во времени – вне времени, обусловленное существование – необходимое существование и т.д. Четыре высшие экзистенциально-онтологические категории Ингардена – это абсолютное, реальное, идеальное и чисто интенциональное существование. В данной работе именно последняя категория будет интересовать нас больше всего. Напомним, что чисто интенциональный способ бытия присущ, например, вымышленным персонажам и другим объектам, обязанным своей природой и своим существованием актам сознания. Немецкий философ Николай Гартман назвал онтологию основой как теории познания, так и этики, подчеркивая, что предметом онтологии является бытие сущего. Взятое в своем онтологическом измерении бытие, по Гартману, отличается от объективного бытия, или *бытия-в-себе*, как его обычно рассматривает гносеология, т.е. как объект, противоположный субъекту; существование как таковое ничему не противоположно, оно также нейтрально по отношению к любым категорическим определениям. Гартман строит модальную онтологию, в которой основное внимание уделяется анализу модусов бытия (реальность, возможность, необходимость, случайность) как реального, так и идеального. Линия онтологии человеческого бытия представлена также в творчестве Жана-Поля Сартра. В работе *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии* (1943) Сартр различает *бытие-в-себе* (то есть бытие явления) и *бытие-для-себя* (как бытие дорефлексивного cogito). Фундаментальная

онтологическая неадекватность сознания инспирирует намерение *сделать себя* посредством индивидуального *проекта существования*, в силу чего бытие конституируется как *индивидуальное приключение*.

Бытие сознания самого себя таково, что в его бытии стоит вопрос о его бытии. Это означает, что это чистое внутреннее. Оно постоянно оказывается обращением к себе, каким оно должно быть⁸.

Бытие Сартра определяется тем, что оно есть это бытие в форме: быть тем, чем оно не является, и не быть тем, чем оно есть.

Литературный аспект

Сущность, смысловое наполнение *Я* в прозе Стахуры можно разделить на несколько ипостасей: открытие себя, отрицание себя и в то же время проявление многогранности себя, рождение человека-никто, обретение себя в другом и поиск двойника.

Эмпирическим материалом для данного исследования послужил сборник рассказов *Się*, изданный в 1977 году. Своеобразие книги заключается в формировании и трансформации главного героя посредством внутреннего монолога, проявляющегося в диалогизации собственных знаний, наблюдений и опыта; в действиях, которые часто носят характер помощи людям, встречающихся на его пути; в воспоминаниях, связанных с путешествиями в Польшу и в другие страны; в философском объяснении происходивших с ним событий.

Несомненный интерес представляет название стахуровского сборника. Глагольное словосочетание *się/ся*, которое в польском языке пишется обособленно и несет смысловую нагрузку глагола, к которому оно принадлежит, перенаправляет действие на самого исполнителя, тем самым как бы теряет свою самостоятельность и значимость. Вынесенное в название сборника, оно приобретает важность, поскольку шаг за шагом прослеживает трансформацию внутреннего мира главного героя или, как говорил сам автор, изменения в его жизненном опыте. Кроме того, писатель приходит к выводу, что дорога (дорога в значении жизненный путь), по которой идет человек, ведет к утрате себя, к смерти, которая рождает новую жизнь, нового человека. Именно эта мысль, мысль о превращении *человека-есть* в *человека-никто* стала ведущей в творчестве Стахуры. Рожденный автором *Fabula rasa* «человек-никто» описывается следующим образом:

- Kim jest człowiek-nikt?
- Człowiek-nikt nie jest kimś. Ja jest kimś. Ja jest zmuszony być kimś. Tyś jest swoim Ja. Ty jesteś kimś.
- Tyś jest zmuszony być kimś. [...].
- Ale człowiek-nikt to człowiek-który-rozumie, człowiek-który-jest-stanem-twórczym, człowiek-czyn, człowiek-trzy, człowiek-tu, człowiek-teraz, człowiek-fakt, człowiek-

⁸ J.-P. Sartre, *Byt i nicość. Zarys ontologii fenomenologicznej*, tłum. J. Kiełbasa et al., posłowie P. Mróz, Wydawnictwo Zielona Sowa, Kraków 2007, s. 267.

-kwiat, człowiek-ptak, człowiek-słońce, człowiek-in-flagranti, człowiek-radość, człowiek-zadość, człowiek-który-nie-potrzuje-nic⁹.

Повторение слова *человек* с различными приложениями, указывающими на многогранность его сущности, подчеркивает то, что важно для автора, создавая при этом целостный образ нового человека, для которого необходимо быть сейчас, здесь, быть птицей, солнцем, радостью, действовать и творить. Наиболее существенными чертами характера главного героя являются аскетизм и самодостаточность – *человек-никто тот, кто ни в чем не нуждается*. Иллюстрируя слово-действие, Стахура стремится воздействовать на читателя, помогая ему преодолеть барьер равнодушия и бездействия. По мнению Пахоцкого, здесь речь идет не о художественной литературе, а о литературе действенной, активной¹⁰. Томаш Бурек справедливо заметил, что в этой литературе мы чувствуем

пламенный фанатизм нравственных знаний, ураганный голод правды, которая сжигает в словах почти все, что в них лишнее, выбрасывает из литературы психологию, интригу, мелочность, [...], чтобы в конце процесса редукции суметь возобновить и задержать несколько непоколебимых ценностей¹¹.

Продолжение этой мысли, то есть становление человека-никто, многогранность его Я, прослеживаем в сборнике рассказов *Się*:

Ja to jad. Ja to wąż. Ja to rak. [...]. Umarł rak. Umarł rak na raka. Ja umarło. Położyło sobie kres. Koniec biografii. Koniec bibliografii. Koniec biobibliografii. [...]. Nie ma ja. Się jest. Się jest stanem. [...]. Ja umarło na ja. Nie ma ja. Się jest. Się jest się. Się jest duch. Się jest nikt¹².

Как мы видим, короткие предложения представляют собой яркий калейдоскоп трансформации Я: яд, змея, раки. Тавтологическая игра слов в польском языке «Umarł rak na raka» по-русски звучит похоже – «Рак умер от рака» и гармонично переходит в игру слов с корнем *-graphy* («конец биографии», «конец библиографии», «конец биобиблиографии»), которую автор создает, добавляя приставку *би-* или *био-*, имеющую в данном случае значение двойственности, множественности, бесконечности. Оглашая о конце существования собственного Я («не Я»), Стахура прибегает к антитезе Я с флексией *się*/ся, маркирующей состояние длительности бытия. И снова авторский переход к отрицанию («Я умерло от я. Нет Я»), которое молниеносно переходит в утвердительную констатацию – «Я есть», опоясанную с обеих сторон флексией *się*, что указывает непрерывность существования, своего рода континуум бытия. Вводя слово *дух* («Я есть дух»), писатель как бы переистачивает свое

⁹ E. Stachura, *Fabula rasa. Z wypowiedzi rozproszonych*, [w:] E. Stachura, *Poezja i proza*, t. 5, red. H. Bereza, Czytelnik, Warszawa 1984, s. 15–16.

¹⁰ D. Pachocki, *Stachura totalny...*, s. 62.

¹¹ T. Burek, *Mgła i pierwsze przebłyki jasności*, „Twórczość” 1966, nr 11, s. 124.

¹² E. Stachura, *Się*, [w:] E. Stachura, *Opowiadania*, red. H. Bereza, t. 2, Czytelnik, Warszawa 1984, s. 421.

бытие в эфирное состояние, т.е. *Я везде и всегда*. Последнее предложение *Я есть никто* (которое мы можем воспринять как *Я никто*) еще больше расширяет границы сущности *Я*: если я никто, то я невидим или видим теми, кто смотрит на мир похожими глазами; Я вездесущ, я ни в чем не нуждаюсь. Человек-никто становится неким Абсолютом самодостаточности, маркированный взаимно исключающимися характеристиками.

Каждый из тринадцати рассказов пестрит флексией *się*. Это создает впечатление, что все происходит само собой, без вмешательства человека. Исследователи называли эту технику *pułapka się/ловушка ся*. По мнению Стахуры, в нее попадают те, кто не умеет или не хочет достойно прожить собственную жизнь. Многие критики считали, что главный герой рассказов Михал Контны – это и есть сам автор, то есть ставился знак равенства между представленным в произведениях художественным миром и жизнью писателя. Заметим: такая интерпретация произведений Стахуры принесла ему огромную популярность среди мятежной молодежи конца прошлого века. Без сомнения, главный герой – романтический бунтарь, убегающий от мира, ищущий свое место на земле, желающий спасти всех, стремящийся истребить зло и в конечном итоге превращающийся в человека-никто. В свете вышеизложенного уместно подчеркнуть, что часто употребляемая флексия *się* у Стахуры становится первым шагом к мистицизму, является грамматическим следствием избавления от собственного *Я*.

Михал Контны, поэт-странник, трамп, путешествует по новым местам, идет своими дорогами, наблюдает за всем, что происходит на земле и в небе. Сущность *Я* героя представлена в разных ипостасях, контекстах и пересекающихся линиях. В горизонтально-вытянутом плане подтверждением сказанного может послужить повторяющееся безличное блуждание «*Się szło. Się szło jedną z licznych dziesiętlicznych setlicznych tysiąclicznych entlicznych pięćlicznych dróg Planety... Się szło*»¹³. Кажется оправданным привести перевод данного фрагмента из рассказа *Wesele* с целью прочувствовать безличность, бестелесность, воздушность стахуровского вербального плетения текста: «Шлось. Шлось по одной из десятимногих стомногих тысячемногих энтмногих извилистомногих дорог Планеты... Шлось». Смысл приведенных предложений указывает на медленное хождение, странствование, перемещение из одной местности в другую по нескончаемым дорогам-путям планеты-жизни. Их количество представлено авторскими неологизмами в виде вариантов слов с корнем *-licznych* в значении огромного количества: от одного, десяти, сотен, тысяч до энного количества извилистых дорог. В вертикальном круговом плане мы имеем другую картину. Михал устремляет свой взор к небу, к солнцу, к Богу и начинает с нарастающим темпом вертеть головой: «*niebo, widok nad widoki, że tylko przechylić głowę do tyłu i kręcić głową, kręcić w kółko, coraz prędzej, aż do zawrotu, aż do przewrotu głowy, aż do rewolucji głowy*»¹⁴. Динамизм обращения вызывает ассоциации с сотворением мира в воображении героя: «*Może tak właśnie Bóg wszechświat stworzył, kręcąc głową coraz*

¹³ Там же, с. 251.

¹⁴ Там же, с. 6.

prędzej i prędzej»¹⁵. Проникновение в вечную тайну Священной Книги герой ощущает разумом, телом и живым участием в этом не до конца объясненном процессе.

Михал Контны проявляет большой интерес ко всему, с чем он вступает в контакт или с кем встречается на своем пути. Встреча с мальчиком Михалом Маевским раскрывает неожиданные черты характера главного героя. Отвечая на вопросы ребенка, автор прибегает к нетипичному социальному статусу его персонажа – *ничей*, т.е. не чужой, которого следует опасаться, а именно ничей, свободный от всего и всех, что в понимании мальчика и есть счастье. Ведь в данном случае исчезает необходимость спрашивать разрешения у родителей и можно делать всё, что хочется и т.д.

- Żebyś był niczyj, to co innego. Wtedy może i bym cię zabrał, bo mi się podobasz.
- Proszę pana!
- Tak, mały.
- A pan jest niczyj?
- Ja?
- No pan. Jest pan niczyj?
- Ja... tak¹⁶.

«Я работал в слове»

Как уже было отмечено, глубина Я в рассказах Стахуры не лишена философской окраски. Справедливо замечание Хелены Заворской о том, что писатель

отождествлял философствование не только с мышлением, но и с жизнью, проверял его не интеллектуально и не теоретически, а на себе и на практике. При таком характере сознания и максимальном чувстве жизни это приводило к потере себя, ибо между фантазией и действительностью возникала не только внешняя, но и психическая щель-пропасть, не заполненная никакой интеллектуальной или чувственной дистанцией¹⁷.

Сказанное перекликается с учением Мартина Хайдеггера (его работа *Бытие и время*, 1927), который ставит вопрос о смысле бытия и анализирует онтологию человеческого Я, или бытия, *Dasein*: «Только прояснение сущности человеческого бытия раскрывает сущность самого бытия»¹⁸. Хайдеггер назвал структуру человеческого бытия во всей ее полноте *заботой*, которая есть единство трех компонентов: *бытия-в-мире*, *забегания вперед* и *бытия-при-внутримировом-сущем*. Именно хайдеггеровская *забота* находит свое практическое применение в поведении Михала Контны, которое проявляется почти в каждом рассказе сборника: ответственность за ребенка (рассказ *Wesele*), желание помочь Адаму Гutowски вернуть жене радость жизни *El*

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 8.

¹⁷ H. Zaworska, O „*Fabula rasje*” Stachury, „*Twórczość*” 1980, nr 1, s. 15.

¹⁸ T. Shvarts, *Ot Shopenhauera k Heideggeru*, [в:] Т. Шварц, *От Шопенгауэра к Хейдеггеру*, Прогресс, Москва 1964, с. 106.

condor pasa и др). Внутримировое-сущее в понимании Стахуры – это процесс выхода за рамки своего Я с целью проникновения в онтологию другого или чужого Я, тем самым проверяя себя на человечность с самой критической трактовкой собственной личности.

Każdy krok: lekki czy ciężki, czy coraz cięższy – jest niepowtarzalny. Jest jednorazowy. Przy ruchu naprzód nie ma powtórzeń. Nie ma cofanki. I wtedy się dopiero widzi, co to wszystko jest. Czym to wszystko pachnie i czym to wszystko śmierdzi¹⁹.

Согласно мысли Хейдеггера, технический язык философии не в состоянии выразить то, что хотел с самого начала. Потребность создания собственного языка породила целый ряд метафорических терминов, отражающих поэтическую силу слова. Игра со словом, создание неожиданных грамматических конструкций, вплетающихся в словесный материал рассказов, как нельзя лучше отражает стахуровское содержание человеческого Я. Слово для автора *Iście* настолько важно, что он ставит его на первое место в иерархии анатомии человека: «Przodem idą słowa, ale tuż-tuż za nimi idą nogi oraz głowa»²⁰. Однако автор уточняет, что слова сами по себе никогда не идут (всегда в симбиозе с головой и ногами), потому что без них они становятся пустыми. Как пишет Пахоцкий, Стахура

всегда был глубоко убежден в широких творческих возможностях письменного слова. Его проза – доказательство попытки преодолеть ограничения, создаваемые языком; является проверкой, насколько человек может позволить себе тестировать эластичность языка²¹.

Сам же автор *Całej jaskrawości* искренне верил в то, что кто-то его «когда-то откроет его, откроет его доброе сердце, его один язык, а не два. Кто-то его когда-то оценит всего и поймет, какой он простой»²². Стахура не создает *заумных* слов, вербальная ткань его прозы – это внутренний мир человека, состояние продолжительности, неограниченных возможностей, чувств, эмоций, мыслей, реально-эфемерного существования в бытии. На первый взгляд рассказ *Iście* может показаться текстом без смысла: двадцать два предложения представляют собой глагольные инверсии – варианты одного и того же безличного предложения «Się szło powolutku skrajem drogi straszliwie i cudownie samotnym»²³. Отсутствие точки в конце предложения создает цельную графическую картину, изобилующую однотипными словесными знаками. Лишь вчитываясь в смысл между строчками, измеряем глубину душевного признания (Медленно шлось краем дороги ужасно и чудесно одиноким), выраженного противоречивой парой *ужасно-чудесно*, которая как нельзя лучше отражает невысказанную боль и одновременно чудо состояния одиночества.

¹⁹ E. Stachura, *Się...*, 71.

²⁰ Там же, с. 98.

²¹ D. Pachocki, *Stachura totalny...*, s. 137.

²² E. Stachura, *Nocna jazda pociągami*, [w:] E. Stachura, *Opowiadania*, t. 2, Czytelnik, Warszawa 1984, s. 76.

²³ E. Stachura, *Iście...*, s. 398.

Карл Ясперс, обращаясь к проблеме существования людей в мире, значительную роль отводит диалогичности как важной функции человека истории и общества. Для немецкого экзистенциалиста диалог человека с человеком и узнавание себя в другом занимает промежуточное положение между массовой коммуникацией, в которой люди нивелируются, и подлинной коммуникацией, в которой усматривается обоюдное стремление людей «найти себя» и «раскрывается самость»²⁴. Подтверждение мыслей Ясперса мы находим в прозе Стахуры. Желание найти друга-близнеца также является частью сущности Я. В рассказе *Naprzód, niebiescy* звучит внутренний монолог Михала Контны, наполненный нескончаемым потоком вопросов, адресованных невидимому другу, вымышленному, но желаемому, ощущаемому на расстоянии. «Czy on jest do mnie podobny? Jakie ma imię? Jakie ma włosy? Co teraz robi? [...] Czy chciałby psa? Czy pies by uszczęśliwił niezmiernie? [...] Czy bardzo tęskni?»²⁵. Все, что интересует главного героя, касается экзистенциально-эмоциональной сферы жизни вымышленного друга. Ответы не получены, что позволяет судить о переадресации вопросов самому себе. Мальчик («Jesteś tam, chłopczyku?»), вписанный в текст, обнажает тайну героя – это он спрашивает себя, но себя в детском возрасте, когда все было безоблачным и разноцветным.

Следует сказать, что со стороны критиков Стахура столкнулся с полным непониманием языка, которым написаны его произведения. Причина, по мнению автора *Stodycz i jad*, кроется в том, что критики *погрязли в словах*. Хенрик Береза добавляет, что «причиной отрицательной интерпретации творчества Стахуры является отсутствие у них воображения»²⁶. Если мы обратимся к высказыванию Мирчи Элиаде – «Иметь воображение, значит видеть мир во всей его полноте»²⁷, – то найдем ключ к пониманию языка прозаика-поэта, раннего, с тонкой организацией души, с особым видением и чувствованием окружающего мира.

В одном из своих последних писем от 24 июля 1979 года (почти за месяц до самоубийства) Стахура писал:

Я учусь пробовать то, что вижу, слышу, осязаю, что ем, что пишу сейчас. Человек-никто, конечно, не нуждался в помощи и знал, что она ему больше не понадобится. Он верил, что для него началась новая вечная жизнь – он родился заново со смертью человека-самости. К сожалению, это только казалось. Авторитет человека-никто не был подорван из-за его осуждения того, что люди ничего не знают, а то, что они как будто знают, только им кажется (Сократ). Только человек-никто не знает всего²⁸.

²⁴ K. Jaspers, *O źródle i celu historii*, tłum. J. Marzęcki, Wydawnictwo Marek Derewiecki, Kęty 2006, s. 32–50.

²⁵ E. Stachura, *Się...*, s. 68–69.

²⁶ См.: H. Bereza, *U źródeł*, [w:] H. Bereza, *Związki naturalne: szkice literackie*, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, Warszawa 1978.

²⁷ M. Eliade, *Sacrum. Mit. Historia. Wybór esejów*, tłum. A. Tatarkiewicz, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1970, s. 69.

²⁸ F. POlek, *Edawrd Stachura – Biografia*, <http://stachuriada.pl/index.php/biografia> [дата обращения: 29.08.2022].

Стахура не хотел или не мог погрузиться во времени, в его разрушительной стихии и поддаться его преобразованию. Как упрямый экзистенциалист он никогда не расставался с собой, был верен своим фантазиям и идеалам, странствовал по стране и миру, встречался с разными людьми и проникался их судьбами. В своем творчестве, как поэтическом, так и прозаическом, Стахура гласил ценности простых, т.е. настоящих эмоций, радость жизни и близость к природе. Для автора *Się* каждый человек – это амплитуда, простирающаяся от минимума до максимума, от лепестка до Солнца. Он верил, что «wieczność jest tu i teraz... [...] i w każdym tu i teraz»²⁹. В вечности нет трехэтапного времени – настоящее и будущее растворяются в прошлом: «Obydwa te czasy są JUŻ czasem przeszłym, a żadnego z tych trzech nigdy nie ma w wiecznym teraz»³⁰. Часто вглядываясь в дневное и ночное небо в поисках неизведанного, вечного, безграничного, Стахура задавался вопросом о сущности человеческого бытия, расширяя границы собственного Я, очерченные и наполненные словом-действием: «Pracowałem w słowie»³¹.

Выводы

Словесный материал прозы Стахуры – неустанная исповедь, в которой он весь как на ладони, обнаженный, безоружный, нередко выставленный на непонимание и осуждение. Моральная система ценностей и кодекс чести писателя просвечиваются в его произведениях, заметках, дневнике, имея более экзистенциально-импрессионистический оттенок, нежели эссенциально-поучительный. Онтологическое наполнение Я в прозе Стахуры очень многогранно и особенно: здесь вперемешку простые предложения с многочисленными повторениями, контекстуальная меланхолия, глубокая внутренняя влюбленность в жизнь, радость от всего, что дарит жизнь, эстетика пейзажа будней, тоска по любви и вере в любовь, при чем все это полно молодости и искреннего восторга. Несмотря на то, что сущность Я у писателя нередко маркирована отрицательной частицей (*никто, ничей*), как ни парадоксально она не вызывает негативного восприятия. Положительная рецепция рождается благодаря озвучиванию внутренних монологов, гуманитарному характеру действий, философским рассуждениям и рождению себя как *человека-никто*. Творчество Стахуры, или *жизне-писание* опирается на затирание границ между жизнью и литературой. Эти две сферы тесно переплелись и проросли друг в друге. Именно в этом сущность богатого и трогательного наследия польского писателя.

Литература

- Beczek J., *Teraz oto jestem. Edward Stachura we wspomnieniach*, Bellona, Warszawa 2020.
 Bereza H., *U źródeł*, [w:] H. Bereza, *Związki naturalne: szkice literackie*, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, Warszawa 1978.

²⁹ E. Stachura, *Się...*, s. 128.

³⁰ Там же, с. 129.

³¹ T. Stefańczyk, *Twórca Edward Stachura*, grudzień 2006, <https://culture.pl/pl/tworca/edward-stachura> [дата обращения: 16.08.2022].

- Borkowska G., *Edward Stachura: Nie wszystko jest poezją*, [w:] *Sporne postacie polskiej literatury współczesnej. Następne pokolenie*, red. A. Brodzka, L. Burska, Instytut Badań Literackich, Warszawa 1995.
- Buchowski M., *Edward Stachura: biografia i legenda*, Magnes, Opole 1992.
- Buchowski M., *Buty Ikara. Biografia Edwarda Stachury*, Iskry, Warszawa 2015.
- Burek T., *Mgła i pierwsze przebliski jasności*, „Twórczość” 1966, nr 11, s. 120–129.
- Czochralska B., *Ktoś spoza planety. Spotkania z Edwardem Stachurą*, Universitas, Kraków 2014.
- Eliade M., *Sacrum. Mit. Historia. Wybór esejów*, tłum. A. Tatarkiewicz, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1970.
- Falkiewicz A., *Stachura (I)*, „Teksty: Teoria Literatury, Krytyka, Interpretacja” 1981, nr 1(55), s. 85–105.
- Jaspers K., *O źródle i celu historii*, tłum. J. Marzęcki, Wydawnictwo Marek Derewiecki, Kęty 2006.
- Kant I., *Krytyka czystego rozumu*, tłum. P. Chmielowski, Zapomoga Kasy Pomocy dla Osób Pracujących na Polu Naukowym im. Józefa Mianowskiego, Warszawa 1904.
- Pachocki D., *Stachura totalny*, Wydawnictwo KUL, Lublin 2007.
- mb, *Edward Stachura – żył tak, jak pisał*, <https://www.polskieradio.pl/39/156/Artykul/1200801,Edward-Stachura-%e2%80%93-żył-tak-jak-pisał> [data обращения: 18.04.2022].
- Pieszczachowicz J., *Edward Stachura – łagodny buntownik*, Nowohuckie Centrum Kultury, Kraków 2005.
- POlek A., *Edward Stachura – Biografia*, <http://stachuriada.pl/index.php/biografia> [data обращения: 29.08.2022].
- Sartre J.-P., *Byt i nicność. Zarys ontologii fenomenologicznej*, tłum. J. Kiełbasa et al., posłowie P. Mróz, Wydawnictwo Zielona Sowa, Kraków 2007.
- Shvarts T., *Ot Shopenhauera k Heideggeru*, [w:] Т. Шварц, *От Шопенгауэра к Хейдеггеру*, Прогресс, Москва 1964.
- Stachura E., *Fabula rasa. Z wypowiedzi rozproszonych*, [w:] E. Stachura, *Poezja i proza*, t. 5, red. H. Bereza, Czytelnik, Warszawa 1984.
- Stachura E., *Nocna jazda pociągiem*, [w:] E. Stachura, *Opowiadania*, red. H. Bereza, t. 2, Czytelnik, Warszawa 1984.
- Stachura E., *Się*, [w:] E. Stachura, *Opowiadania*, red. H. Bereza, t. 2, Czytelnik, Warszawa 1984.
- Stefańczyk T., *Twórca Edward Stachura*, grudzień 2006, <https://culture.pl/pl/tworca/edward-stachura> [data обращения: 16.08.2022].
- Szyngwelski W., *Kalendarium życia i twórczości Edwarda Stachury*, Rytm, Warszawa 2003.
- Zaworska H., *O „Fabule rase” Stachury*, „Twórczość” 1980, nr 1, s. 12–21.

Philosophy and literature: essence of I in the prose of Edward Stachura Abstract

The article discusses the essence of I in Edward Stachura's prose on the example of the stories titled "Się" ("Self"). The fulfillment of the essence of human being in the Polish writer is closely related to the discovery of himself (his I), the birth of a man-nobody (according to Stachura, he is identified with a new person who does not need anything and knows everything), the need for a double and finding himself in other man. We can consider him as a kind

of Absolute. Stachura uses various writer's techniques (meetings with other characters, philosophical reasoning, the need of a friend, traveling etc.) in order to present a complete image of a person-nobody.

Key words: ontology, hypostases, man-nobody, kind of Absolute, life-writing

Filozofia i literatura: istota *Ja* w prozie Edwarda Stachury Streszczenie

W artykule przedstawione są rozmyślania o hipostazach istoty *Ja* w prozie polskiego pisarza, poety i tłumacza Edwarda Stachury na przykładzie zbioru opowiadań zatytułowanych *Się*. Wypełnienie istoty człowieka u pisarza jest ściśle związane z odkryciem siebie (jego *Ja*), narodzeniem człowiek-nikt (według Stachury, jest on utożsamiany z nowym człowiekiem, który niczego nie potrzebuje i wszystko wie), potrzebą sobowtóra i znalezieniem siebie w innym. Możemy go rozpatrywać jako pewien rodzaj Absolutu. Stachura stosuje różne techniki twórcze (spotkania z innymi postaciami, refleksje filozoficzne, potrzeba przyjaciela, podróże itp.), w celu przedstawienia całościowej wizji człowieka-nikt.

Słowa kluczowe: ontologia, hipostazy, człowiek-nikt, rodzaj Absolutu, życie-pisanie

Философия и литература: сущность *Я* в прозе Эдварда Стахуры Резюме

В статье представлены размышления о ипостасях сущности *Я* в прозе польского писателя, поэта и переводчика Эдварда Стахуры на примере сборника рассказов *Się*. Согласно писателю, наполнение сущности человека тесно связано с его открытием себя самого (своего *Я*); рождением человека-никто, отождествляющему себя с новым человеком, которому ничего не нужно и который все знает; потребностью иметь двойника и счастьем найти себя в другом человеке. Мы можем рассматривать человека-никто как некий вид Абсолюта. Для того, чтобы представить целостный образ человека-никто, Стахура мастерски использует различные творческие приемы (встречи героя с разными людьми, философского характера размышления, потребность иметь друга, странствования и др.).

Ключевые слова: онтология, ипостаси, человек-никто, вид Абсолюта, жизне-писание

Lesława Korenowska, dr hab. prof. UP
ORCID: 0000-0003-1372-0667
Instytut Neofilologii
Katedra Prekładoznawstwa
Uniwersytet Pedagogiczny
im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie
e-mail: leslaw.korenowska@up.krakow.pl